

Настоящая глава посвящена любопытному эпизоду раннеэллинистической истории, на который современное антиковедение редко обращает внимание. Однако русскоязычным читателям повезло больше – сюжет с Алексархом и его Уранополисом присутствует в широко популярном романе Ивана Ефремова «Таис Афинская», правда, в чуть беллетризованном виде, что вполне естественно для романной формы. Мы отдаём себе отчет в отсутствии прямых исторических свидетельств о связи Деметрия Фалерского и Алексарха, которую можно предполагать только по косвенным соображениям, и потому оформили главу отдельным приложением к первому, афинскому разделу нашей монографии.

Сергей Белозеров

Уранополис Алексарха

Наличие каких-либо связей между Деметрием Фалерским и утопическим городом Уранополис на сильно отдаленном от Афин и Фив атосском перешейке – скорее теорема, чем аксиома. Однако они не вовсе невероятны. Даже если относить переезд Деметрия в Александрию на 6-8 лет назад против традиционной хронологии, как поступаем мы. Весьма показательна в этом смысле оговорка У.Тарна о том, что Алексарх *«под защитой Кассандра был в таком же положении, как и Деметрий Фалерский в Афинах в это же время»*¹. Беда в том, что текущее, весьма плачевное состояние источников оставляет слишком большой простор для различных версий, из которых сложно выбрать хотя бы самую правдоподобную.

Мы отдаем себе отчет в том, насколько шатким может выглядеть умозрительное построение, возводимое на фундаменте допущений и предположений. Тем не менее рассмотрение обстоятельств возникновения Уранополиса остаётся в составе книги. С естественными, на наш взгляд, основаниями.

Среди установок, которыми мы руководствовались в этой работе, одна из главных – вписать Деметрия Фалерского в возможно более широкий контекст его эпохи, которую хотим видеть полноправным действующим лицом книги. А она состояла не только из ристаний наследников Александра за первенство в его империи. Помимо них, окончание четвертого столетия вместило в себя замечательные проявления человеческого духа и разума. Проект Алексарха совершенно определенно был одним из них.

Ни Антигон Монофталм с Деметрием Полиоркетом, ни Птолемей Сотер в Египте в эти годы не отметились заметными достижениями в культурном строительстве и значимыми культуртрегерскими мероприятиями. Волевые, властные, талантливые как администраторы и организаторы, они сумели построить и отстоять свои империи в пылу междоусобных распрей. Они лучше, чем кто бы то ни было в те времена, овладели искусством управлять людьми и государством. Целеустремленные в создании коалиций против соперников за гегемонию в греческом мире, изобретательные и изворотливые в выборе способов и средств достижения цели, неутомимые в битвах, холодные и расчетливые в самых сложных ситуациях, они оказывались заурядными посредственностями, когда дело касалось философов, писателей разных жанров, художников и музыкантов.

¹ W.W.Tarn. Alexander the Great. II Sources and Studies, Appendix 25, V, Cambridge University Press, 1979, с. 430, перевод наш.

До прибытия Деметрия Фалерского в Александрию первый Лагид мог «похвастать» разве что Гекатеем Абдерским, в появлении которого в Египте его особой заслуги не было, и Дейнократом Родосским, доставшимся ему «в наследство» от Александра. Полиоркет в общении с представителями античной интеллигенции вообще известен всего одним эпизодом - с картиной Протогена об Иалисе (во время осады Родоса). Его отец, одноглазый диадох, владетель Малой Азии и приграничных с ней областей, также не отличался тягой к философии и изящным искусствам. Антигон приглашал к себе Зенона, только это был уже другой Антигон - Гонат. Но Зенон вместо себя прислал Персея, своего земляка из Китиона, и Филонида Фиванского. Внешне выигрышнее других в роли мецената смотрелся Лисимах. Он строил новые города, приглашал ко двору известных философов и людей искусства. Кажется, именно у него после изгнания из Афин нашел себе убежище Феодор Безбожник - если судить по эпизоду с женой Кратета Фиванского Гиппархией, которая «срезала» его во время диспута на симпозиуме. Комедиограф Филиппид Кефалийский входил в числе его «друзей», и это обстоятельство оборачивалось благом для родных ему Афин. Но Лисимах - нехарактерное и не совсем полное исключение. Даже обладая деньгами и возможностями, диадохи не находили путей и способов развивать в своих империях науку и искусство. Можно ли считать, что расцвет последних при Деметрии Фалерском - сначала в Афинах, а затем в Александрии - был простым и случайным совпадением? Нет, разумеется, своим существованием он во многом (если не всецело) обязан уроженцу Фалера с его всегдашними наклонностями попечительствовать над философскими школами и творческими индивидуальностями в различных областях искусства. В своей политике по отношению к ним он был по-хорошему эклектичен и не отдавал предпочтения, скажем, киникам перед киренаиками, а «своим» перипатетикам перед «чужими» академиком. Кассандр, кажется, был восприимчивей Птолемея и Антигонидов к более тонким материям, нежели бивуачная жизнь и звон мечей, щитов и сарисс. Он мог наизусть цитировать Гомера, заказывать картину Филоксену из Эретрии. Но поощрять утопическую мысль в своих владениях — это кажется перебором, даже если Кассандр ставил себе целью меценатствовать и тем прославиться в истории.

Тем не менее именно при нём Уранополис появился на свет.

Затягивая Алексарха изначально была сомнительна во всем, кроме географии, и вряд ли могла сулить его царственному (в будущем) брату какие-либо выгоды. Зато от этого полумифического города мы имеем по крайней мере вещественные следы - хотя бы нумизматические. Это монеты, изображающие на разных сторонах солнце с восемью лучами (аверс) и Афродиту Уранию со скипетром (реверс)² - небесную ипостась богини.³ Да беглое упоминание у Страбона.⁴ А также забавный анекдот от Афинянина об изобретенном Алексархом новоязе.⁵

² Хотя вот Ольга Палагия - Olga Palagia. Visualising the Gods in Macedonia: from Philip II to Perseus - в: *Pharos* 22,1, 2016 (2018), с. 77 - считает, что «хламида и натянутые линии между ног указывают на мужскую одежду», что скорее подходит либо Гелиосу, либо самому Алексарху. Она же отмечает любопытное сходство в изображениях на реверсе между монетами Алексарха и более поздними - Деметрия Полиоркета! Более или менее определенная интерпретация этого обстоятельства затруднительна.

Другие упоминания Алексарха либо основанного им Уранополиса – Плутархом⁶, Климентом Александрийским⁷ и Плинием Старшим⁸ - нам мало что дают.

Основание Уранополиса часто датируют 316/5 годом – вероятно, чтобы синхронизировать с другими градостроительными мероприятиями Кассандра, в которых, кстати, были задействованы Афины.⁹ В этом есть логика. Однако необходимо видеть кардинальные отличия между Фивами, Кассандрией и Фессалониками, с одной стороны, и Уранополисом - с другой. Первые вписывались в рамки типичной политики диадохов и имели свой конкретный и понятный функционал. Что касается второго, то ни в каком отношении он прагматическим установкам не соответствовал. Подобный сугубо утопический проект был самодовлеющ, направлен в себя самого и для Кас-

³ В Уранополисе имелся собственный монетный двор. Серебряные драхмы, дидрахмы и тетрадрахмы обычно «гуляют» по весу, и в подлинности их есть сомнения. А вот бронзовые монеты того же типа вполне обычны и не вызывают скепсиса у нумизматов-коллекционеров.

⁴ *«Здесь также показывают канал около Аканфа, который, как говорят, Ксеркс велел прорыть через Афон и, пропустив морские воды в этот канал, провел свой флот через перешеек из Стримонского залива. Деметрий Скенсийский, однако, не думает, чтобы этот канал когда-нибудь был судоходен. Действительно, хотя грунт на перешейке в длину до 10 стадий был хорош и удобен для рытья и в самом деле был прорыт канал длиной в плевр, но потом пошла скалистая плита, почти что в стадию длиной, настолько высокая и широкая, что ее невозможно было пробить на всем протяжении до моря. Но даже если бы можно было пробить эту скалу до моря, то, конечно, не так глубоко, чтобы образовался судоходный канал. Там, прибавляет Деметрий, Алексарх, сын Антипатра, заложил город Уранополь в 30 стадий в окружности»* - Страбон. География, VII, 35.

⁵ *«Таков же был и Алексарх, брат македонского царя Кассандра, [е] основавший Уранополь: Гераклид Лемб пишет о нем в тридцать седьмой книге "Истории" так [FHG.III.169]: «Основав Уранополь, Алексарх принялся насаждать в нем особую речь, называя петуха с-утра-криком, цирюльника людостригом, драхму серебрянкой, хойник[83] кормильцем дня, глашатая выгонялой. Однажды он послал правителям, назначенным Кассандром, письмо следующего содержания: "Алексарх передовым Сородного [желает] хорошесть! Считая мне известным о солнцебаранах, властвующих оставленными делами держателей, назначенных роком [f] подземельным богам, натеревших маслом себя и горних стражей".*

Что значит это послание, думаю, даже Пифия не отгадает! Это же утверждает Антифанов "Клеофан"[84] [Kock.II.58]: "И это властвование? Что сказать, клянусь Зевсом, о достойном человеке, который идет за ликейскими софистами, тощими, голодными, негодными, бормочущими, что если вещь возникает, то ее нет, потому что то, что возникает, еще не возникло; а если оно (99) было, то оно не возникает, потому что чего нет, то не есть; а что не возникает, то не может быть, пока не возникло, так как оно не возникло из того, что есть; но если оно не возникло из того, что есть, то как оно могло возникнуть из того, чего нет? Это невозможно. Но если оно из чего-то возникло, то не может быть, чтобы из того, что есть, возникает то, чего нет, потому что ничто не может стать тем, чего нет. Что это значит - самому [b] Аполлону не понять» - Афиней. Пир мудрецов, III.54, 98 d – 99b, перевод Н.Т. Голинкевич.

⁶ *«Письмо некоего Алексарха, в котором рассказывается, что Дионис был сыном Зевса и Исиды и что у египтян он именовался не Осирисом, но Арсафом (через букву «а»), каковое имя переводится как «мужество»* - Плутарх. Об Исиде и Осирисе, 37, 365 E, перевод Н. Н. Трухиной (редакция А.Ч. Козаржевского).

⁷ *«Зачем мне говорить об Алексархе (он, по профессии грамматик, как рассказывает Арист, изображал из себя Гелиоса)?»* - Климент Александрийский. Увещание к язычникам. Кто из богатых спасётся, IV, 54, 3, перевод А.Ю.Братухина.

⁸ Плиний. Естественная история, IV, 10, 37 – здесь упоминается Уранополис как один из городов горы Афон.

⁹ Известно, что афиняне и лично Деметрий Фалерский сыграли заметную роль в восстановлении Кассандром Фив. Не исключено, что и ранняя история другой «новостройки» - Кассандрии не обошлась без участия Деметрия. По крайней мере, наличие в ней номофилаков может указывать на это. Правда, оно отмечено для времён Антигонидов - см.: Miltiad V. Hatzopoulos. Macedonian Institutions (Melethmata), 1996, с. 133 прим. 2; 143 – 146, 157, 203, 386 - что само по себе крайне странно. Институт номофилаков характерен для полисной организации, а не для царской власти. В Афинах при Деметрии Фалерском он стал стержнем его законодательных реформ. Скорее всего, Антигониды просто унаследовали его от времён Кассандра, которому написал эту «шпаргалку» Деметрий.

сандра в этот период мог означать зряшное и бесцельное отвлечение сил и средств от остро насущных проблем. Да, собственно, само начинание Алексарха мог уничтожить любой оказавшийся поблизости – случайно либо вследствие задач, диктуемых логикой противоборства диадохов, - воинский контингент вне зависимости от его принадлежности тому или иному из них. Просто походя, из подозрительности и как бы чего не вышло.

Маловероятно, чтобы Уранополис объявлял себя «священным» местом, свободным от военных действий. Во-первых, этот статус не считался у греков нормативным и не обязательно признавался и добровольно соблюдался всеми сторонними силами. Во-вторых, первые случаи подобной сакральной демилитаризации, похоже, отмечены все-таки для гораздо более позднего времени: *«Различные города стремились сделать себя и свои территории «священными», т. е. запретными для войны, с согласия всех греков и эллинистических царей; первой встала на этот путь Смирна около 240 г., за ней последовала Магнесия на Меандре, Алабанда, Теос, Милет и другие городалияние Дельф и амфиктионов играло большую роль в этом движении и придало ему религиозную основу»*.¹⁰ Скорее всего, Уранополис спасало нахождение на некотором отшибе по отношению к театру военных действий и отсутствие политических и хозяйственных выгод от контроля над регионом.

Нам неизвестны сведения, которые позволяли бы обосновать филантропические по сути движения души Кассандра (вплоть до позволения чеканить собственную монету) в такой неподходящий момент времени теплыми родственными чувствами и особой благорасположенностью к младшему, к тому же незаконнорожденному брату.

Мы можем попытаться домыслить это соответствие. Например, выпятив наружу то обстоятельство, что практически все населенные пункты в округе были уничтожены в свое время Филиппом II. Помимо Потидеи (ставшей Кассандрией), это и Аканфос (сейчас на его месте Иериссос).

Теперь эта местность (район деревушки Сане) входит в муниципалитет Стагира – Аканфос.

Конец царствования Кассандра, к которому относят осуществление проекта Алексархом другие исследователи, нам представляется не слишком приемлемым с логической точки зрения. Победа при Ипсе в 301 году не отменяла для Кассандра необходимости отстаивать свои позиции в Македонии и Греции от посягательств «раненого» Деметрия Полиоркета, и в силу этого он, скорее всего, не мог позволить себе чудачества брата. Возможно, именно в это время, учитывая не самые благоприятные обстоятельства, Алексарх свернул реализацию проекта и перебрался в район Памфилии,¹¹ чтобы попытаться воплотить его там. Вряд ли это решение, если оно имело место, принималось Алексархом случайно и наобум, без расчета найти на новом месте поддержку. Как раз тогда Памфилия вместе с Карией и Ликией входила в недолговечное (301 – 299 г.г. до н.э.) образование, управлявшееся другим братом Кассандра – Плистархом. Либо со смертью Кассандра

¹⁰ В.Гарн «Эллинистическая цивилизация», М., 1949, с. 92, перевод С. А. Ляковского.

¹¹ Уранополис в Памфилии упоминается Клавдием Птолемеем в его «Географии» (V, 5, 6).

Алексарх и его Уранополис лишились защиты (хотя можно ли было рассчитывать на большую безопасность в Памфилии без Плистарха?), либо же его и его «подданных» настигли непреодолимые сложности. В любом случае трудно допустить, что утопический город на землях, за которые спорили наследники Александра, окажется долгожителем.

Есть еще одна неожиданная параллель, хотя и по видимости случайная. Город, основанный Алексархом, назывался Уранополисом (Небесным градом), а его жители - уранидами. Речь не о том, что канал, прорытый Ксерксом, фактически превращал Атос (Афон) в остров, каким была эвгемеровская Панхайя (как и гомеровские Схерия и Сира, и ямбуловский Остров Солнца, и феопомповская Меропия, и Гиперборея Гекатея Абдерского), к тому же в силу гористости ландшафта труднодоступный.¹² И не о том, что на Панхайе посередине тоже возвышалась, как Афон для Уранополиса, гора под названием Трон Урана.¹³ Эти аналогии носят чисто внешний, поверхностный характер. Гораздо правильнее связывать название города с Афродитой Уранией, которая была изображена на аверсе или реверсе нумизматических находок в этом регионе. И к тому же еще не однажды отмечалась в истории и эволюции социально-литературных утопий античности.

Как справедливо подметила Мария Тереза Скеттино, *«Уранополис указывал на нисхождение «Неба» на землю; оттого в данном утопическом эксперименте небесная модель принимается за точку отсчета. Алексарх в этом не был первым. С Ураном связывали еще один город Греции, а именно Фивы. Действительно, Кадм, их мифический основатель, считался одним из «градостроителей», смотревших на звезды, подобно Метону, архитектору города Птиц, и Гипподаму Милетскому, знатоку небесных явлений. Тем не менее город, основанный Алексархом, неприступный и элитарный, - единственный, который можно представить как воплощение небесного совершенства на земле, где царит гармония»*.¹⁴

Отчасти в пандан суждению французской исследовательницы вопроса укладывается пассаж из Павсания: *«В Фивах есть деревянные статуи Афродиты, столь древние, что, по их преданиям, они являются посвященным даром Гармонии и что сделаны они из деревянных украшений, бывших на носу корабля Кадма. Эту Афродиту называют – одну Уранией [Небесной], другую – Пандемос [Всенародной], а третью – Апострофией [Отвращающей]. Эти названия дала Гармония. Название Урании дано богине в знак чистой любви...»*.¹⁵

В Афинах тоже не обошлось без Афродиты Урании: *«Поблизости [от Керамика] стоит храм Афродиты Урании [Небесной]... У афинян ввел его Эгей, считая, что отсутствие у него самого детей – тогда у него еще их не было – и несчастье с его сестрами произошло вследствие гнева Урании. Бывшая в мое время статуя была сделана из паросского мрамора и была творением Фидия. Но у афинян есть дем [округ] – Афмонеи, и там говорят, что Порфирион,*

¹² Часто в этом случае упускается из вида, что Уранополис относительно канала Ксеркса находился не на «островной» стороне, а на материковой, ближе к нынешней деревушке Неа Рода.

¹³ *«В древние времена Уран, когда он царствовал над миром, приятно проводил время в этом месте и с вершины взирал на небо и находящиеся на нем звезды»* - Диодор. Историческая библиотека, V. 44. 5—6.

¹⁴ Maria Teresa Schettino, Les Grecs sur le départ : légendes, pensées, utopies et désir d'expérimentations, Pallas, 89 | 2012, 35-56, перевод наш.

¹⁵ Павсаний. Описание Эллады, IX, 16, 3-4.

царствовавший до Актея, основал у них храм Урании.¹⁶ И далее: *«Относительно местечка, которое называют «Садами», и о храме Афродиты у них нет никакого предания; все равно как и о статуе Афродиты, которая стоит недалеко от храма; ее внешний вид – четырехугольный, такой же, как и у герм. Надпись объясняет, что это Афродита Урания [Небесная] – старшая из так называемых Мойр [богинь Судьбы]*». ¹⁷ В последнем случае речь у Павсания – еще одно случайное совпадение - шла о Ликее. А, значит, и о соседстве с храмом Аполлона Ликейского, где собирались перипатетики Аристотеля, а затем Феофраста.

Алексарх, если судить, исходя из состояния сохранившихся источников, вынырнул для нас неизвестно откуда. Однако сделать кое-какие предположения все-таки возможно. По всей видимости, по роду предыдущих занятий он был грамматиком, коли составил для жителей Уранополиса свое эсперанто, одно из первых в мировой истории. Вероятность того, что Алексарх получил начальную подготовку в предмете в школе Аристотеля или Феофраста, следует оценивать достаточно высокими значениями, пусть и не близкими к абсолютным. Коли уж даже Кассандр, родившийся примерно в 358 году до н.э., не миновал тесного и продолжительного знакомства (включая переписку) со Стагиритом, то, покровительствуя (а иначе расценивать согласие правителя на основание на его территории независимого города, да еще с правом чеканки собственной монеты, сложно) своему младшему брату, он мог направить его к перипатетикам, заручившись согласием главы Ликея.

Вопрос только в том, кто им был – Аристотель или уже Феофраст? И пересекались ли между собой в этом случае Алексарх и Деметрий Фалерский? И если да, какие интересы могли их сблизить? Например, равнодушие к «солярности»? Вряд ли. В соседстве Ликея с храмом Аполлона никакой сознательной заслуги Деметрия не было. Малой толики Аполлона в египетском Сераписе и изобретенного гимнографом Касторионом из Сол «солнцеподобия» Деметрия на Великих Дионисиях в год его архонтства, о чём писал его завистник и недоброжелатель Дурис с Самоса, слишком мало для этого.

Больше шансов за то, что искомой фигурой был как раз Феофраст, ибо Аристотель, даже эволюционировав от послышки о необходимости рабского статуса для варваров к допущению у некоторых из них определенной цивилизованности, все-таки не дошел до более радикальных суждений, которые можно найти у Феофраста. Вроде того, на которое обращает особое внимание Тарн - *«Все люди – одна семья и родственны друг другу»*,¹⁸ - и которое на практике пытался воплотить в Уранополисе Алексарх.

Интерпретация Тарна, касающаяся приверженности Алексарха идее общечеловеческого братства, не кажется нам бесспорной аксиомой. Задаваясь вопросами о влияниях на Алексарха, Тарн приходит к иному ответу, отличному от нашего допущения. Это не Аристотель и не Феофраст, а Александр с его идеей гомоноии!

¹⁶ Там же, I, 14, 6.

¹⁷ Там же, I, 19, 2.

¹⁸ W.W.Tarn. Alexander the Great and the Unity of Mankind. The Raleigh Lecture on History, British Academy, London: Humphrey Milford, 1933.

Мы не ставим перед собой задачи ввязаться в научный спор на эту тему. Его заочно и постфактум вели, например, Э.Бадриан своей статьей¹⁹ и другие противники точки зрения Тарна (и её сторонников вроде, скажем, Андрэ Боннара с его «Греческой цивилизацией» или Чарльза А.Робинсона-младшего). Она лежит за пределами наших узких интересов. Тем более что тут может и не быть конфликта. Достаточно того, что схолярхи перипатетиков и Алексарх могли придти к своим выводам самостоятельно, но с оглядкой на Александра.

Но мы скорее поддались бы искушению покритиковать построения Тарна. При всем уважении к английскому исследователю, сделавшему много для достижения нашим временем большей ясности относительно своих античных предшественников, здесь его подход отчасти грешит механистическим уподоблением, равняющим все под одну гребенку и отрицающим индивидуальные девиации, к числу каковых мог принадлежать и проект Алексарха.

Во-первых, не стоит принижать креативный потенциал мышления Алексарха. В Иотапате на месте Иосифа бен-Маттафии теоретически мог оказаться любой иудей, тем не менее вряд ли кому-то еще, помимо него, пришло бы в голову объявлять римского императора мессией еврейского народа.

Во-вторых, в фундамент проекта могли укладываться камни и из других каменоломен, не обязательно только Александровской. О той же гомоноией (пусть понимаемой не так расширительно и универсально, как во времена завоевания Азии македонцами Александра и позже, а лишь как единение эллинов против Персии под эгидой сильного лидера), например, еще в 380 году говорил в «Панегирике» Исократ, имея в виду Филиппа II.²⁰ А раньше, на стыке пятого и четвертого столетий, – Сократ: «Единодушие граждан, по общему мнению, есть величайшее благо для государства; очень часто там совет старейшин и лучшие люди увещевают граждан быть единодушными; везде в Элладе есть закон, чтобы граждане давали клятву жить в единодушии, и везде эту клятву дают».²¹

А после Исократа – уже Аристотель. Хотя он в большей степени имел в виду несколько иное – единомысленное - наполнение этого понятия. Неспроста Стагирит начинает говорить о ней в тех разделах «Никомаховой этики», где речь идет о дружбе и связанных с ней категориях человеческих отношений:

«Единомыслие (ἡμονομία) тоже кажется [приметой] дружеского отношения. Именно поэтому единомыслие не есть сходство мнений (ἡμοδοξία), потому что последнее может быть даже у тех, кто друг друга не знает, но о согласных между собою по какому-то вопросу не говорят, что у них единомыслие, допустим, по вопросу о небесных [телах] (ибо «единомыслие» в таких вещах не имеет отношения к дружбе), а говорят о единомыслии в государствах, когда граждане согласны между собою (ἡμοῦνονομία) относительно того, что им

¹⁹ E.Badian. Alexander the Great and the unity of mankind – в: Historia 7 (1958) 425-44.

²⁰ В принципе этими же идеями в той или иной мере наполнены и его знаменитые «Филипп», «Ареопагитик» и «Панафинейская речь».

²¹ Ксенофонт. Воспоминания о Сократе, IV, 4, 16, перевод С. И. Соболевского под ред. И. И. Маханькова. Переводчик передает ἡμόνοια, ὁμόνοισιν и ὁμόνοισι как «единодушие» и однокоренные ему.

нужно, и отдают предпочтение (προαίρουται) одним и тем же вещам и делают (πράττει) то, что приняли сообща.

*Итак, единомыслием обладают в том, что касается поступков (та практа), причем в том из этого, что значительно и может быть предоставлено той и другой [стороне] или всем...».*²²

Рассуждая подобным образом, Стагирит приходит к единомыслию более высокого уровня. Он сам именует его государственной дружбой, следуя в некотором смысле логике Платона²³, парированной им самим в тезу о человеке как «*существо по природе политическом*»²⁴:

«...не в том единомыслие, чтобы у обеих сторон на уме было одно — безразлично, что именно, а в том, чтобы имели в виду также одних и тех же лиц, как бывает, например, когда и народ, и добрые граждане думают, что начальствовать следует лучшим, ведь так все получают что хотят.

*Единомыслие оказывается, таким образом, государственной дружбой; и мы говорим о единомыслии именно в таком значении, ведь оно связано с вещами нужными и затрагивающими весь образ жизни».*²⁵

Легко заметить, что гомоноия Сократа, Исократы и Аристотеля не экстеррито-риальна, ей вменен конкретный топос и национально-государственное измерение. В отличие от гомоноии Александра (если соглашаться с Тарном), Феофраста и Алексарха.

Но являлся ли образцом человеколюбия, интернационалистом, поборником общечеловеческого братства, не знающего ни границ, ни основных различий между людьми, Александр? Наследник македонского престола, первым наставником которого оказался вояка по имени Леонид, заставлявший маршировать допоздна и так нагуливать аппетит к завтраку, скудному настолько, чтобы в обед зверски хотелось есть, иначе не выдержать новой вечерней муштры? Не так давно перед этим он обратил в рабство поголовно всех фиванцев, а затем разрушил до основания их родной город - родину Геракла, которого сам какое-то время прочил себе в предки. Третировал не только фиванцев, но и вообще всех греков.²⁶ И этот царь-полководец, покоритель Азии, пронзил копьем одного из своих самых близких соратников, который не только делил с ним бивуачный постой и пыл многих тяжелых сражений, но и как-то отвел от царя разящий персидский клинок. И из мелкой мстительной злобы к своему бывшему наставнику он приговорил к смерти его племянника Каллисфена.

Итак, - воспользуемся подсказкой Йена Уортингтона – насколько великим был Александр Великий? Было ли в его величии хоть немного от провозвестника вселенского братства людей? Мы сильно сомневаемся. У Гомоноии Александра не было сестры Ареты. Это слишком неоправ-

²² Аристотель. Никомахова этика, кн. девятая, VI, 1167a, 22-31, перевод Н.В.Брагинской .

²³ Ср. Платон «Республика» II, 368e; VIII, 544d-e, IV 441c - d.

²⁴ Аристотель. Политика, I, 1, 9 и 12, перевод С.А.Жебелева.

²⁵ Аристотель. Никомахова этика, 1167a 35 - 1167b 5.

²⁶ Простой пример – из 52 сатрапов в империи Александра 24 были уроженцами Азии, в том числе Персии, 23 – македонянами и всего пятеро – греками (критяне Неарх и, кажется, Сибиртий, киприот Стасанор, Фоас из Магнесии-на-Меандре и навкратисец Клеомен. И ни одного «материкового» грека! - Eugene Borza. Ethnicity and Cultural Policy at Alexander's Court – в: Makedonika, Regina Books, 1995, с. 149-58.

данное публицистическое прекрасноречие – думать и утверждать, как Тарн, что *«в один из критических моментов истории, в тот день, когда на пире в Опиде Александр молился о единении сердец (гомонойя) и едином государстве македонян и персов; он первый переступил национальные границы и первый поддал мысль о человеческом братстве, в котором не должно быть ни грека, ни варвара»*.²⁷ Нет, беря 30 тысяч персидских юношей на обучение воинскому делу, он лишь держал в голове пример своего отца, когда тот, замирив наконец враждебных Македонии горцев (иллирийцев с запада, линкестов и пеонийцев с севера и фракийцев с востока), принимал их в свою армию, осознанно попирая национальный признак. Устраивая массовое бракосочетание в Сузах между своими офицерами и женщинами персидской знати, Александр преследовал прагматическую цель – сгладить национальные различия и противоречия, чтобы придать своей империи жизненную силу и гибкость. Беря в жены Статиру, дочь Дария III, и Парисатиду, дочь Артаксеркса III, Александр меньше всего думал о благородном служении человечеству, об обустройстве максимально идеального людского общежития. Нет, таким образом он по праву преемства становился легитимным властелином-самодержцем прежде чуждого эллинам ахеменидского Востока. Это был самый простой способ приручить его, приведя к слиянию поглощением, а не синтезом. Не гипертрофированная, опередившая свое время человечность, а простая политическая и административная целесообразность руководили Александром. Считал ли он себя на полном серьезе сыном бога, если долгое время придирчиво выбирал, кого – Геракла, Диониса, Зевса либо кого-то еще – записать в свои божественные предки?²⁸

Александр не создал своей Нигдеи, не переступил национально-государственных границ, которые сам же чертил македонской сариссой. Сарисса прекрасно соотносится с такой «чертежной» задачей, с Клитом Белым в качестве цели для поражения в момент аффекта, но она негодный инструмент для утверждения общечеловеческого братства и равенства.

За него это сделали другие. Сначала киники, в основном пренебрегавшие папирусом и стилосом. А потом на «собачьем хвосте»²⁹ Зенон, Хрисипп, Клеанф и другие стоики, в отличие от киников больше склонные придавать объективную теоретическую форму их революционным по сути идеям, подчеркнуто выражаемым в поведенческих реакциях.³⁰ А также авторы, предпочитавшие морализирование на исторических примерах, - вроде Эратосфена или Плутарха с его панегирическим сочинением «О славе и доблести Александра Великого» (ранним, заметим).³¹ Если бы не было Александра - нет, не космополита, от которого за версту несло индивидуалистическим киническим душком, а интернационалиста, его следовало бы кому-то придумать. Даже с более чем благими побуждениями. Но Восток, даже став немного македонским, остался Востоком.

²⁷ В.Тарн. Эллинистическая цивилизация, Москва, 1949, с.89.

²⁸ Говорить о божественной природе Геракла не совсем точно. Не исключено, что подобное соображение принимал в расчет и Александр, когда определялся с решением.

²⁹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, VII, 4, перевод М.Л.Гаспарова.

³⁰ Впрочем, в античности указывалось на одноименный трактат Диогена Синопского как главный источник вдохновения Зенона при сочинении «Государства».

³¹ Этот трактат, напоминающий по форме риторическое упражнение-декламацию, иногда считался подложным — обе части либо только вторая.

Александру не дано было стать Диогеном. И вместе им не сойтись, как бы ни хотели этого Тарн и другие исследователи, склонные идеализировать неидеализируемое.

Итак, говоря об Алексархе, мы снова приходим к Феофрасту. Завоевывая Персию, Среднюю Азию и Индию, Александр вольно или невольно воспроизводил на новом уровне хорошо знакомый грекам великодержавный афинский империализм предыдущих эпох. Чтобы порвать с ним, отказаться от его родимых пятен и прийти к идее универсальной гомоной, нужно было стать в Афинах метеком, как Диоген, Кратет и Феофраст, или даже гражданином, но всего лишь во втором поколении, как Деметрий Фалерский. Не бросать с корабля символическое копье в малоазийский берег, а бездомным жить в бочке, бродяжничать, совокупляясь с женой на площадях, ибо больше негде; приобретать сад в Ликее почти окольными способами, ходить под графе асебия, приговариваться к смерти и изгоняться из города. Только так можно было стать гражданином мира и понять необходимость преобразования полиса в космополис, суть потребности в настоящей гомоной, даваемой по принадлежности к человеческому роду, а не завоеваниями новых земель.

Однако, подводя Алексарха к Феофрасту и Перипату вообще, мы сталкиваемся с серьезным внешним затруднением. С несколько парадоксальным фактом, что оба первых схоларха Ликее не создали – в отличие, например, от Платона, вдоволь «порезвившегося» на этом поле, – собственных утопических моделей. И ограничились своими усилиями даже не столько абстрактно-теоретическим поиском идеальной либо наиболее приемлемой модели государственного устройства, сколько описательным накоплением суммы эмпирических знаний и подходящих к случаю примеров. Их воззрения в этой области могут устанавливаться нами чаще всего косвенно, «от противного» - критики (почти исключительно Аристотелем) проектов Платона, Гипподама Милетского и Фалея Халкедонского. И лишь в малой степени – по контурной прорисовке по сути аристократического, но нигде так впрямую не названного «государства по истине», которую мы находим в «Политике».³² Тем не менее даже аристотелевская концепция этого «истинного» среднего государства, смешанной политики³³ выглядит сугубо умозрительным построением, оторванным от реальной почвы, ибо *«средний государственный строй либо никогда не встречается, либо редко и у немногих»*.³⁴ Объяснить это несложно. Аристотель, как и его предшественники – идеологи полисных установлений и институтов, не сталкивался с историческими прецедентами, в которых нашла бы выражение решительная ломка краеугольных основ полисной организации и возникновение на образующихся руинах принципиально новых, вне привычного и знакомого набора, форм государственного устройства. Полисная утопия сходила на нет вместе с упадком полисной государственности – и даже могучего интеллекта Аристотеля уже не хватало, чтобы реанимировать ставшую в одночасье рецессивной концепцию. Только в изоляционистской Спарте чуть позже, при Клеомене при содействии стойка Сфера Борисфенитского она на время приобрела некое по-

³² Аристотель. Политика, V, 11.

³³ *«где средние представлены в большем количестве, где они – в лучшем случае – сильнее обеих крайностей или по крайней мере каждой из них в отдельности»* - там же, IV, 9, 8.

³⁴ Там же, IV, 9, 12.

добие «второго дыхания». Но уже при Феофрасте, посвятившем одну из своих многочисленных политических работ Кассандру, и у академиков постепенно стала претерпевать «монархизацию».³⁵

Деметрий Фалерский как теоретик и практик одновременно, вышедший из тиши учебных классов на экспериментальную делянку, управленец-законодатель на стыке полиса и империи, мог преодолеть «напряженность между идеей и миром опыта»³⁶ и тем или иным образом «ассистировать» Алексарху.

Не будем подробно останавливаться на особенностях аристотелевской модели идеального государственного устройства, поскольку, будучи сама по себе крайне интересной, она в нашем случае не более чем опциональна. В каком отношении нарративно-теоретическая и социальная в чистом виде утопия Аристотеля (и, не исключено, Феофраста, содержания многочисленных политических сочинений которого мы, к сожалению, не знаем) находится к попытке практического воплощения соляной утопии «острова блаженных», предпринятой Алексархом? Разве что в самом косвенном. Впрочем, мы не обладаем всей необходимой полнотой сведений на этот счет.

Любопытно, что до Уранополиса в этом месте мог построить город... Александр Македонский. Его архитектор Дейнократ Родосский, позднее спроектировавший Александрию, даже предлагал высечь на вершине горы его фигуру,³⁷ однако Александр отклонил идею Дейнократа. Его отказ иногда объясняют тем, что он прослышал об отсутствии в округе Афона плодородных почв. Рассчитывать на гесиодовские «плоды с нив хлебодарных» в этой гористой местности практичный Александр не мог. Он оставил подобные тщетные чаяния будущему основателю Уранополиса. Хотя Алексарх, конечно, мог уповать на доходы от торговли в случае замирения диадохов и установление долговременного мира. И на то, что Кассандр продолжит восстанавливать разрушенные Аргеадами города на побережье Халкидикиков.

Алексарх собирался строить город не совсем на пустом месте. Здесь уже существовало святилище Аполлона – как считают местные археологи и историки, примерно с 6 века до н.э. Они склонны идентифицировать с ним обнаруженные в ходе раскопок остатки какого-то сооружения. Оно похоже на сакральное — в силу наличия большого количества декоративных элементов, свойственных скорее для южной Греции и особенно Коринфа, влияние которого в тот период в регионе признается несомненным. Впрочем, идет речь об Аполлоне или Гелиосе, сказать сложно. Затруднительно с точностью определить, когда в этом месте Аполлон стал функционально замещать Гелиоса, как это происходило почти повсеместно во всей остальной Греции.³⁸

³⁵ Чуть подробнее о «Περὶ βασιλείας» – см. в книге 18.6 Резюме к нашей главе «Опала, ссылка и смерть» раздела III «Александрия».

³⁶ Выражение Вернера Йегера - даём по: В.А. Гуторов. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории, Ленинград, 1989, с. 182.

³⁷ *«Стасикрат обратился к царю и сказал, что Афону во Фракии скорее, чем какой-либо другой горе, можно придать вид человеческой фигуры и что, по приказанию Александра, он готов превратить Афон в самую незыблемую и самую величественную статую царя, левой рукой охватывающую многолюдный город, а правой— изливающую в море многоводный поток»* - Плутарх. Александр LXXII, 3-4.

Плутарх ошибочно именуется Дейнократом Стасикратом.

³⁸ В общем плане для большей ясности в вопросе можно воспользоваться примечаниями А.А.Тахо-Годи к русскоязычному изданию платоновского «Государства» издательства «Академический проект» (1) М., 2014, с.234-б.^^^: *«Идея Солнца как высшего блага была чрезвычайно симптоматична для кануна эллинизма.*

Скорее всего, Алексарх вынашивал свой замысел довольно долго, и когда Кассандру удалось упрочить собственное положение в Македонии и Греции, с радостью ухватился за возможность его воплощения на Афоне, с которого восход солнца виден раньше, чем на других побережьях.

Нам больше ничего не известно об Уранополисе – ни о конституции, которую Алексарх дал его жителям, ни об архитектуре города. Вряд ли Алексарху удалось набросить гипподамову планировочную сетку на изрезанный ландшафт Афона. Скорее всего – если версия Тарна о гомонийе Алексарха верна, - в его городе не было рабов. Себя Алексарх объявил Гелиосом, а жителей назвал уранидами - детьми Неба. Кроме солнца, в городе особо почитались луна и звезды. А также, разумеется, дочь Неба – Афродита Урания. *«Утопические устремления Алексарха вполне определенно выражены в самоотождествлении с Солнцем – Гелиосом, издавна рассматривавшимся греками в качестве защитника и гаранта справедливости, делающего явным любое зло и преступление. Представление о Солнце как олицетворении справедливости глубоко укоренилось в культуре народов Средиземноморья. В реформах, проводимых в Египте фараоном XVIII династии Аменхотепом IV (Эхнатомом – 1372 – 1354 гг.) и связанных с учреждением солнечного культа Атона – Ра, на передний план выступало представление о Солнце как универсальном божестве, едином для всех народов, отрицающем их разделение на «варварские» и «цивилизованные». Этот же круг идей просматривается и в знаменитом египетском пророчестве Исаяи, предсказывавшем появление «города Солнца» в день, когда господь Саваоф будет судить Египет (Исайя, 19:18)...».*³⁹

Согласимся с этой цитатой в целом, но не в частности. Эксцесс египетской истории, каким был переворот Аменхотепа IV, и эсхатологические представления древних иудеев, конечно, в какой-то степени могут иллюстрировать распространение солярных культов и особенности их развития в Средиземноморье, однако их непосредственное влияние конкретно на Алексарха представляется крайне сомнительным. Египет до похода Александра был персидским и всегреческой житницей мог стать в лучшем случае при Клеомене из Навкратиса. Поэтому вряд ли можно принимать в расчет как уже сложившуюся данность развитый хозяйственный обмен, торговлю, которые обычно подготавливают почву для широких культурных и иных связей между столь разными и удаленными друг от друга регионами. Взаимопроникновение и взаимовлияние их в разных сферах ко времени основания Алексархом Уранополиса (а точнее – к моменту оформления у него замысла и подготовки его к воплощению) не перешли в разряд естественной констатации, того самого «укоренения» с единым знаменателем. Все-таки самые вещественные и зримые плоды таких связей применительно к предмету нашего внимания – «Герметический корпус» и «Халдейские

Поздняя античность видела в Солнце объединяющую и организующую весь мир силу в противовес архаической матери-Земле и раннеклассическим четырем элементам (вода, воздух, земля, огонь) натурфилософов...

Объединение Солнца-Гелиоса с Фебом-Аполлоном, великим организующим и оформляющим началом, способствовало представлению о Солнце как универсальной мировой силе. Это объединение, начавшееся еще в доклассическую эпоху, превратилось в прямое отождествление в литературе и философии эпохи эллинизма».

³⁹ В.А.Гуторов «Античная социальная утопия», 1989, с. 223-224.

оракулы». А это уже новое летоисчисление (I – III века). Наверное, такой культурный перенос мог осуществиться и на персонально единичном уровне – допустим, Солона, Пифагора и Платона, каждый из которых с той или иной степенью вероятности посещал Египет. Как и, например, Гекатей Абдерский. Подобную теоретическую возможность, конечно, исключать нельзя, хотя оценивать ее высокими значениями трудно.

Но не лежит ли на поверхности иной цитационный ряд, географически гораздо более близкий Алексарху, иной нарративный контекст?

Для начала вспомним широко известные пассажи Диодора Сицилийского из первой книги «Исторической библиотеки». *«Итак, (как говорят), люди, жившие в древности в Египте, взглянув на небесный свод (των κοσμων), были (одновременно) удивлены и напуганы природными свойствами мироздания (των ολων), и (потому) они решили, что существуют два значительных и вечных божества, а именно — Солнце и Луна, которые они назвали соответственно Осирисом и Исидой».*⁴⁰ Не исключено, что здесь Диодор следует за Гекатеем, одним из своих признанных источников. За последним, как мы помним, числится и сочинение «О Гиперборее», безусловно утопическое по большинству признаков. Для нас примечательно то обстоятельство, что здесь у Гекатея утопия выступает в характерно солярном (хоть и «аполлоновском») облачении: *«Аполлон почитается среди них выше всех других богов, и все они, так сказать, жрецы этого бога: каждый день они поют гимны в его честь. И есть на острове великолепный священный участок Аполлона и великолепный храм, имеющий сферическую форму и украшенный множественными приношениями. Город на острове так же посвящен Аполлону, а большинство его жители играют на кифаре; они непрерывно играют на этом инструменте в храме и поют хвалебные гимны богу, прославляя его деяния».*⁴¹ У нас крайне мало оснований связывать идею Алексарха с названным сочинением Гекатея. Особенно в том случае, если относить основание Уранополиса к ранней из двух дат, которая, повторимся, нас больше устраивает в плане возможности и правдоподобия. Теоретически пути Гекатея и Алексарха могли пересечься позже, во времена обучения первого у Пиррона в Элиде, с которым он, кажется, должен был знаться в период их совместного нахождения в обозе или свите Александра.

Но даже если мы постулируем близкое знакомство Алексарха с Гекатеем и его сочинением «О гиперборейцах», это вряд ли даст нам много. Сам абдеритянин на описываемом им острове «за пределами земли кельтов», разумеется, не был и никаких практических советов, которыми можно было бы воспользоваться при создании на атосском перешейке города уранидов либо его общественном устройстве, дать, конечно, не мог. Алексарх же нуждался в рационалистической утопии, потенциально осуществимой в будущем при наличии определенных условий; в политической теории, а не в витринных заставках с «островов блаженных», бесконечно далеко отстоящих от нужд реального строительства собственного микрокосма. Сад Алкиноя, изобильность и безмятежность существования, как и изолированность от внешнего мира, для Алексарха были не данностью, а

⁴⁰ Диодор. Историческая библиотека, 11, 1, перевод Д.В.Мещанского.

⁴¹ Там же, II 47, 2-3.

недостижимой абстракцией. И потому идеальной была бы солярно-социальная модель, которая сопрягала бы религиозные аспекты управления с прагматическими установками, но без полисного акцента.

Предшественников у Алексарха по части попыток строительства идеального города было немного. Среди них – тот же Гипподам Милетский. У Гипподама имелись и сочинения, посвященные проблемам совершенствования общественного устройства – что-то вроде «О государстве», «О благосостоянии». Аристотель критиковал их во второй книге своей «Политики», перед этим не забыв совсем по-аристофановски посмеяться над внешним видом и манерой Гипподама одеваться. Вот как Стагирит излагает суть его воззрений: *«Он проектировал государство с населением в десять тысяч граждан, разделенное на три части: первую образуют ремесленники, вторую – земледельцы, третью – защитники государства, владеющие оружием. Территория государства также делится на три части: священную, общественную и частную. Священная – та, с доходов которой должен отправляться установленный религиозный культ; общественная – та, с доходов которой) должны получать средства к существованию защитники государства; третья находится в частном владении земледельцев. По его мысли, и законы существуют только троякого вида, поскольку судебные дела возникают по поводу, троякого рода преступлений (оскорбление, повреждение, убийство). Он предполагал учредить одно верховное судилище, куда должны переноситься разбирательства по всем делам, решенным, по мнению тяжущихся, неправильно; в этом судилище должно состоять определенное число старцев, назначаемых путем избрания... Все должностные лица должны быть избираемы народом, т.е. теми тремя частями государства, о которых упомянуто ранее. Избранные должностные лица обязаны иметь попечение о государственных делах, а также о делах, относящихся к чужестранцам и сиротам. Вот большая и наиболее примечательная часть предполагаемого Гипподамом устройства».*⁴²

Однако Гипподам в части политических взглядов оставался все-таки теоретиком. Там, где он имел возможность реализовывать их на практике – а это только архитектурно-планировочные решения, - он не всегда был самостоятелен и зависел от заказчиков (например, Перикла, который привлек его к работам по обустройству Пирея, включая не только собственно городскую часть, но и военную и административную, а также портовую зоны). В своем родном Милете, после разрушения в 494 году персами Дария и пожаров, он разработал новую, регулярную планировку городского пространства. Здесь тоже отчетливо проводился принцип зонирования. К портовой зоне в районе главной гавани Милета - Львиной с ее верфями, доками и складами примыкал торговый центр с агорой. Общественный центр с храмами, театром, стадионом, гимнасием и зданиями, в которых размещались городские службы и учреждения, располагался поблизости от Театральной гавани. Было еще два жилых квартала, где регулярность проявлялась в прокладке широких (до 7 метров) главных улиц, разделяемых на отрезки в соотношении 7 к 4 (до 6) переулками вдвое меньшей ширины — так, что получались ячейки - кварталы правильной прямоугольной формы,

⁴² Аристотель. Политика, кн. II, V, 2 – 3, 1267b 30 – 45.

обычно состоявшие из 4-5 домов. Городские стены не «зажимали» существующую застройку, а предусматривали свободные «пятна», за счет которых в будущем реализовывалась перспектива развития города вширь. Кроме функциональности и эстетичности, подобная стандартизованная регулярная застройка несла и идейную нагрузку, уравнивая на жилищно-бытовом уровне граждан полиса. Архитектура Гипподама выполняла социальную задачу, отражая представления автора об идеальном городе. Но в остальном Гипподам был лишен возможности заниматься политическим устройством своего полиса.

Уравнительные тенденции тогда витали в воздухе. В самом прямом и буквальном виде их реализацию предлагал Фалей Халкедонский: *«Фалей Халкедонский первый сделал на этот счет такое предложение: земельная собственность у граждан должна быть равной. По его мнению, это нетрудно провести сразу по время образования государств; после их образования это труднее, хотя уравнивать собственность следовало бы как можно скорее, и вот каким образом: богатые должны давать приданое, но не получать его; бедные же приданого не дают, но получают его»*.⁴³ К теме нашего исследования хорошо аргументированные возражения Аристотеля против сути проекта Фалея относятся опосредованно, и мы не будем их приводить или комментировать. Для нас существенно здесь то, что сам Фалей осознавал трудности воплощения своего проекта и предполагал его возможным в основном для вновь образующихся либо восстанавливаемых на старом месте полисов. Как, кстати, и Гипподам. А это как раз случай Алексарха.

В том или ином виде элементы уравнительного распределения или даже обобществления (вплоть до жен и детей) мы находим и у Платона. Разумеется, не в полностью буквальном, «лобовом» смысле. Обобществление жен и имущества не носит всеобщего характера, касается только стражей и философов (правителей) и обходит стороной самое многочисленное сословие платоновского идеального государства - «ремесленников» (включая крестьян, торговцев, посредников и лиц обслуживающих занятий).⁴⁴ Им оставлены привычный образ жизни — семья, собственность, торговые занятия, а также музыка и поэзия. Вообще же все искусство провоцируется низменными, «вождедеющими» началами души, подавляющими разум. Сейчас мы говорим о «Государстве», в «Законах», последней большой работе Платона, предлагается поэтическая и музыкальная цензура посредством создания специальной комиссии сведущих людей в возрасте за 50, которые будут по правильным критериям позволять к чтению и прослушиванию те или иные произведения. Дегерсонализация семейных и имущественных отношений - необходимый этап воспитания (в том числе религиозного, физического и воинского) и обучения лучшего потомства от лучших родителей для пополнения сословия стражей и правителей: *«Здесь во всем государстве в высшей степени соблюдается древнее изречение, гласящее, что у друзей, действительно, все общее. Есть ли в наше время это где-либо и будет ли когда, т. е. чтобы общими были жены, дети, все имуще-*

⁴³ Там же, II, IV, 1-2.

⁴⁴ Схожая трехчастная структура общества фигурирует и в уже упоминавшейся нами речи современника и отчасти соперника Платона Исократ: Бусирис *«разделил всех граждан в соответствии с их занятиями, поставив одних на жреческие должности, другим вверил полезные промыслы, третьих обязал заниматься военным делом»* (XI. 15) – перевод М.Н.Ботвинника, А.И.Зайцева.

*ство, чтобы, так называемая частная собственность всяческими средствами была устранена повсюду из жизни, чтобы придумывались, по мере возможности, средства так или иначе сделать общим то, что от природы является частным, как-то: глаза, уши, руки, так, чтобы казалось, что все сообща видят, слышат, действуют; все восхваляют или же порицают одно и то же; по одним и тем же причинам все радуются или огорчаются, а законы, по мере сил, как можно более объединяют государство, - выше этого, в смысле добродетели, никто никогда не сможет установить ни лучшего, ни более правильного предела. Подобное государство, если и образуют его где боги или сыновья богов - в количестве больше одного - есть обитель радостной жизни».*⁴⁵

Архитектурно-планировочную часть своего идеального города-государства Платон разработал именно в «Законах». Город должен быть отделен от моря и порта восьмьюдесятью стадиями, чтобы исключить риск каких-либо связанных с ним неблагоприятных влияний: *«Ведь море, прилегающее к местности, хотя и улаживает каждый день, но, на самом деле, это весьма горькое и соленое соседство. Море наполняет местность крупной торговлей и стремлением нажиться через мелкое торгашество, порождает в душах нравы переменчивые и недоверчивые, так что государство становится недоверчивым и нелюбящим как по отношению к самому себе, так равным образом и к остальным людям. Утешением в данном случае служит то, что эта местность производит в себе все необходимое; а раз она гориста, то, очевидно, она производит не много, но зато все необходимое. Иначе, обладая большим вывозом, она снова наполнилась бы, в обмен на него, серебряной и золотой монетой. А для государства, в смысле приобретения благородных и справедливых нравов, нет, так сказать, большего зла, чем это».*⁴⁶

Жителей в таком городе должно насчитываться 5040 человек.⁴⁷ Помимо ремесленников, это стражи и правители-философы. В центральной части на возвышении находятся святилища богов, покровительствующих этому полису. От подножия этого акрополя отходят двенадцать лучей-радиусов. Изначально граждане по жребию получают земельный надел, состоящий из двух участков — один из них внутри городской черты, другой — в сельской местности. Но собственности на землю у них фактически нет, есть только право хозяйственного распоряжения — они могут обрабатывать принадлежащий им участок ее: *«Прежде всего пусть граждане разделят землю и жилища; общинного земледелия может и не быть, так как нынешнее поколение, по своему воспитанию и образованию, не доросло до этого. Однако раздел надо производить, считаясь со следующим: каждый, получивший по жребию надел, должен считать свой надел общей собственностью всего государства».*⁴⁸ Первоначально полученные при жеребьевке наделы не подлежат купле-продаже. Именно на этой стадии проявляется уравнение. В остальном товарно-денежные отношения продолжают действовать, но с некоторыми ограничениями: *«получивший*

⁴⁵ Платон. Законы, 739 В – С, перевод А.Н.Егунова.

⁴⁶ Там же, 705 А - В.

⁴⁷ Там же, 737 Е.

⁴⁸ Там же, 740 А.

по жребию надел, должен владеть им на указанных условиях. Было бы прекрасно, если бы каждый, вступающий в эту колонию, обладал и всем остальным имуществом в равном размере со всеми. Но это невозможно: один явится, обладая большим имуществом, другой — меньшим. Поэтому, а также по многим другим причинам, для удобных равных взаимоотношений внутри государства надо установить неравный имущественный ценз»,⁴⁹ «пределы бедности и богатства», превышение последнего чревато необходимостью «отдать избыток государству и его покровителям богам; сделав это, он обретет добрую славу и будет безнаказан. Ослушника этого закона может выдать всякий желающий и за это получит половину суммы; виновный должен будет заплатить еще такую же сумму из своего владения, другую же половину отдать в пользу богов. Все, чем владеет каждый, не считая надела, будет публично записано у тех, кому это предписывает закон, т. е. у правителей-стражей, так чтобы все тяжбы, касающиеся имущества, стали бы легкими и вполне ясными».⁵⁰ Государство регулирует практически все сферы жизни общества и гражданина — начиная от использования доходов с личных угодий, хозяйствования в масштабах всего государства и кончая частной жизнью человека — вплоть до фактического принуждения к сисситиям⁵¹, что для него равнозначно питанию в общественных столовых.

Аристотель находит в построениях Платона серьезные изъяны. Главный посыл для него очевиден: *«К тому, что составляет предмет владения очень большого числа людей, прилагается наименьшая забота. Люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им; менее заботятся они о том, что является общим, или заботятся в той мере, в какой это касается каждого...»*.⁵² «Собственность должна быть общей только в относительном смысле, а вообще — частной. Ведь когда забота о ней будет поделена между разными людьми, среди них исчезнут взаимные нарекания; наоборот, получится большая выгода, поскольку каждый будет с усердием относиться к тому, что ему принадлежит; благодаря же добродетели в использовании собственности получится согласно пословице «У друзей все общее».⁵³

Тем не менее те места из седьмой книги «Политики», в которых можно углядеть аристотелевскую модель идеального города, в тех или иных отношениях напрашиваются на ассоциации с платоновской Магнесией в центральной части Крита. Для нас существенно не это. Гораздо больший интерес для разбираемого нами предмета представляет вопрос, привлекала ли Алексарха такая идеальная урбанистическая казарма. Мог ли Платон выступать для него ментором, поводырем в деле построения Уранополиса? Разумеется, мы этого не знаем даже в первом приближении. Обобществление и уравнивание как внешнее выражение гомоноии — с этим необязательно спорить. В восьмой тетралогии, в которую входили, помимо вступительного «Клитофонта» и «Государства», еще и «Тимей» с «Критием», есть практически все, в чем нуждался младший брат Кас-

⁴⁹ Там же, 744 А -В.

⁵⁰ Там же, 744 D – 745 В.

⁵¹ Там же, 780 В.

⁵² Аристотель. Политика, II, I, 10, 1261b 34 – 36.

⁵³ Там же, II, II, 4, 1263a 27 - 31.

сандра для строительства своего «Города Солнца». Есть теоретические рецепты полисного строительства, воспитания и управления («Государство»). Есть даже свой «остров блаженных» (аналогия крайне приблизительная, с оговорками и натяжками) — Атлантида («Тимей», «Критий»), где, как водится, всего в изобилии.⁵⁴ Есть и Солнце, о котором рассуждается как о явленном образе Блага: *«Я утверждаю это и о порождении (ἔκγονον) Блага, ведь Благо произвело его [Солнце] как свой аналог (ἀνάλογον ἑαυτῷ): чем будет Благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому (νοούμενα), тем в области видимого будет Солнце по отношению к зрению (ὄψιν) и видимому... Солнце дает видимому не только возможность быть видимым, но и возникновение, рост, а также питание, хотя само Солнце не есть становление... Познаваемые вещи не только могут познаваться благодаря Благу, но оно дает им и бытие, и сущность (οὐσία), хотя само благо не есть сущность, оно — за пределами сущности, превышая его старшинством и силой».*⁵⁵

Силы неба, утверждает Платон⁵⁶, «содействуют зримому мировому порядку, установленному разумом, наиболее божественным из всего. Человек блаженный сперва поражен этим порядком, затем начинает его любить и стремится усвоить его, насколько это возможно для смертной природы, полагая, что таким образом он всего лучше и благополучнее проведет свою жизнь и по смерти придет в места, подобающие добродетели. Такой человек на самом деле примет истинное посвящение, овладеет единой разумностью, коль скоро и сам он един, и все остальное время станет созерцать прекраснейшие [явления], какие только доступны зрению».⁵⁷

Наконец, теоретически и Афродита Урания тоже могла «перекочевать» из платоновского «Пира» на землю возле Атоса.

Гипотеза о возможном влиянии платоновских положений на Алексарха в пору его занятия Уранополисом, если бы мы лучше и яснее представляли его воззрения на предмет, выглядит правдоподобной. Но ей есть что противопоставить. Все-таки Платону в глазах Алексарха могло не доставать политической практики. Тщетные поездки в Сицилию к сиракузскому тирану Дионисию Младшему и попытки выпросить для своих социальных экспериментов землю — так, как ее получил сам Алексарх, даже эпизодическое участие членов платоновской Академии в разные годы в политических преобразованиях в ряде греческих полисов — этого все-таки мало. Тогда как альтернатива имелась.

Все указывает на Пифагора и на его кротонский проект в Великой Греции. Хотя и не только кротонский — пифагорейский союз на какой-то момент открыл отделения и распространил через них свое влияние и на другие полисы Великой Греции. Причем кое-где едва ли не на полстолетия. Гораздо более свежим был пример тарентинца Архита, проводившего пифагорейские рефор-

⁵⁴ Критий 114 d-e – 115 a-b.

⁵⁵ Платон. Государство, VI, 508 b 12-c 2; 509 b 2-10, пер. А.Н. Егунова.

⁵⁶ Или Филипп Опунтский, которому часто приписывают, помимо сквозной редакции «Законов», ещё и авторство «Послезакония».

⁵⁷ Платон. Послезаконие, 986 b1 – d1, перевод А.Н.Егунова.

мы в своем родном городе и приятельствовавшего с тем же Платоном⁵⁸ и Спинфаром, отцом Аристоксена.

Не только неопифагорейцы и неоплатоники — вроде, допустим, Гиерокла Александрийского (первая половина V века н.э.), комментатора «Золотых стихов»⁵⁹, - но уже непосредственные наследники Платона Спевсипп и Ксенократ, по всей видимости, считали «Тимей» изложением пифагорейской мудрости. У Платона, стоявшего, как и Пифагор, скорее на аристократических позициях, действительно хватало идей, напоминавших пифагорейские, местами очень явно. В некоторых отношениях можно сказать, очень сильно и грубо упрощая, что Платон — это Пифагор без ярко выраженной орфико-мистериальной начинки.⁶⁰

Сейчас, за обилием различных реконструкций пифагореизма, вычленив во всех подробностях его составляющую у Платона, пожалуй, и невозможно. Однако нет сомнений в том, что многие вопросы ставились и решались им в приблизительно сходном с пифагоровским ключе, как бы условно это ни прозвучало. Особенно в политической и этической теории, которая в данном случае занимает нас больше всего.

Частности разнились, но основные посылки учения в целом совпадали.

Например, общей у них была наиглавнейшая — идеальное государство строится на началах справедливости должным образом подготовленными для этого людьми, принадлежащими к лучшим представителям общества. Основываясь на этом целевом приоритете, любому гражданину в таком государстве отводится свое отдельное положение согласно принятому разделению труда, но в целом отнесение их к той или иной социальной группе, сословию обуславливается нравственно-личностными задатками. Руководство и управление в таком государстве безраздельно отдается соответственно воспитанной просвещенной аристократии, чье господство не противостоит интересам других сословий, исключает любые эксцессы и перерывы постепенности, обеспечивая надлежащую преемственность власти и прочность основ государственного строительства.

В таком подходе далеко не сразу узнавался возможный реальный прототип — кастовая организация египетского общества. Вероятность того, что Пифагор (целых 22 года) и Платон (что-то около трех лет в Гелиополисе) действительно бывали в Египте, в чем многие сомневаются, полностью исключать нельзя, но выяснение этого вопроса лежит за пределами наших намерений. Как и возможное в таком случае влияние непосредственных впечатлений на умозрительные построения обоих мыслителей.

У Пифагора умозрениями дело не ограничилось. Пифагорейский союз (гетерия) — гибрид политического клуба, монашеского ордена и масонской ложи (только открытой) — являлся сильным и влиятельным объединением представителей италийской аристократии, среди которых были

⁵⁸ Как свидетельствует Платон в своем VII письме, во время его второго пребывания в Сиракузах - ориентировочно в 367 году или чуть позже — они с Архитом заключили «договор гостеприимства и дружбы».

⁵⁹ *«Как говорит платоновский Тимей, точно передающий пифагорейское учение»* - Гиерокл. Комментарий к Пифагорейским Золотым стихам, 6.416 b, перевод И.Ю.Петер.

⁶⁰ Эта точка зрения дожила и до нашего времени. Ср. *«кажущееся платонизмом оказывается при ближайшем анализе в сущности пифагореизмом»* - Бертран Расселл. История западной философии, т. I, кн. I Древняя философия, ч. 1 Досократики, гл. III Пифагор, М., МИФ, 1993, с. 56, перевод В. В. Целищева.

ученые, были философы, были и политики. И как доказала история, более чем дееспособное — даже после разгрома в Кротоне союз сохранял свое влияние в Великой Греции еще полстолетия. Дружеская общность, общность убеждений (некий аналог гомоний ксенофоновского Сократа и Аристотеля), общность имущества, четкие правила общежития — то, что составляло справедливость у Пифагора, почти наверняка должно было привлечь внимание Алексарха. Добровольная общность имущества была краеугольным требованием при приеме в союз. «У друзей все общее» — эта апофтегма приписывается Пифагору, полагавшему частную, индивидуальную собственность главной помехой для объединения личностей на принципах справедливости, которые он разработал для своего союза, причиной индивидуализма, обособления и эгоизма. Роскошь, избыток собственности порождает презрение к законам и в конечном счете приводит к несправедливому порядку.

С пифагоровскими воззрениями на природу общества, как мы видели, согласуются и платоновские построения. Преобладание материальных интересов, эгоизм, стяжательство, верх «вождеleyущих» начал над разумом, тяга к удовольствиям — суть выражения нравственного несовершенства людей и изъянов общества, зиждящегося на частной собственности. Впрочем, эту тему, включая селекцию «лучших», общность жен и детей у стражей, мы уже затрагивали. И лучшее средство для достижения идеала справедливости в государстве — контроль государства над частной жизнью своих граждан (воспитание стражей у Платона и так называемый «пифагорейский образ жизни»), признание вредности безвластия и безначалия. Платон: *«Никто никогда не должен быть без начальства, ни мужчины, ни женщины; ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен иметь привычку действовать по собственному усмотрению; нет, всегда, и на войне и в мирное время, надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать за ним... Словом, пусть человеческая душа путем навыка приучится к тому, чтобы совершенно не знать и не уметь поступать отдельно от других с людьми; пусть жизнь всех людей станет всегда как можно более сплоченной и общей. Ибо нет ничего лучше, полезнее и искуснее этого — и да не будет! — для достижения на войне удачи и победы»*.⁶¹ Пифагор: *«Никогда не будет порядка ни в доме, ни в государстве, если они не признают добровольно начальство истинного повелителя и руководящую власть и господство. Власть возникает при желании обеих сторон, равно правителя и подчиненного. Также они говорили, что обучение осуществляется правильно при добровольном желании обеих сторон, учителя и ученика. Если один из них будет когда-либо противодействовать, намеченное дело не может быть выполнено надлежащим образом. Итак, Пифагор считал правильным повиновение властителям и послушание учителям»*.⁶² Мы не видим особого смысла разбираться в вопросе, был ли Платон по отношению к Пифагору плагиатором, эпитомизатором или компилятором. Если он есть, то только не в рамках нашего исследования. Несомненно одно — для греков Пифагор чаще всего воспринимался как

⁶¹ Платон. Законы, XII, 2 - 942 а-с.

⁶² Ямвлих. О Пифагоровой жизни, 183, перевод И.Ю.Мельниковой.

первоисточник, а Платон — как его адаптированная версия. Особенно в поздней античности. И, возможно, в рассматриваемый нами период.

У Пифагора в глазах Алексарха должно было быть несколько существенных преимуществ перед Платоном. Во-первых, как мы уже акцентировали, непосредственный опыт практического воплощения своей политической теории и системы управления — в виде деятельности пифагорейского союза (гетерии) в Кротоне и других местах Великой Греции. Во-вторых, тот самый пифагорейский образ жизни, в отличие от платоновского теоретизирования вполне реальный, мог служить для Алексарха пригодной моделью для практического применения - с изменениями или без оных - в Уранополисе. Начиная с распорядка дня и наполнения совместных занятий и кончая программами упражнений, подчиненных цели достижения калокагатии, - гимнастических, мнемонических и иных. Вплоть до сисситий, имевших у пифагорейцев особое значение — время после общей трапезы отводилось для обсуждения самых насущных вопросов политического управления, законодательства и прочих важных государственных дел.⁶³ В-третьих, нельзя исключать и того, что мистериальная сторона пифагоровского учения, которую мы обошли стороной, могла быть интересной и крайне важной для Алексарха. Но о нем и его побуждениях, о том, как он мыслил себе отношения свои и уранидов с богами, известно до обидного мало. Нам ничего не остается, как отталкиваться только от внешних деталей. Наконец, в-четвертых, и это опять относится к религиозному проектированию — элементы солярности, так или иначе связанные с Пифагором, свидетельства чему приводит опять же Ямвлих.

Согласно халкидскому неоплатонику, «участие» Аполлона в судьбе Пифагора начинается с оракула Пифии, жрицы храма Аполлона в Дельфах, Мнемарху, отцу Пифагора, о том, что его жена Партенида (в итоге переименованная поледним Пифаидой) *«родит ребенка, который будет выделяться среди всех когда-либо живших красотой и мудростью и своим образом жизни принесет огромную пользу человеческому роду»*.⁶⁴ Диоген Лаэртский добавляет: *«Аристоксен говорит, что большую часть этических воззрений Пифагор заимствовал у Фемистоклеи, дельфийской [жрицы]»*.⁶⁵ И Элиан: *«Аристотель сообщает, что жители Кротона называли Пифагора гиперборейским Аполлоном»*.⁶⁶

Мы не знаем в точности, принял ли Алексарх титулатуру царя или на правах *klistēs'a* просто главенствовал в Совете философов, управлявших Уранополисом. Но он, кажется, отождествлял себя с Солнцем — Гелиосом (скорее всего – так считает, например, Гуторов в приведенной выше цитате) или Аполлоном. Вряд ли в таком случае он мог пройти мимо Пифагора. Даже при том, что в космологической системе пифагорейцев Солнце, обладая божественной природой, занимало гораздо более скромное место, чем, похоже, мыслил для уранидов Алексарх, — рядом с Землей и Луной, а в центре помещался мировой огонь — Гестия. Правда, при этом Солнце и Луна

⁶³ Там же, 97 - 98.

⁶⁴ Там же, 5 – 10. Ямвлих упоминает даже версии Эпименида, Эвдокса и Ксенократа об отцовстве Аполлона – *«Фебу, Зевесову сыну, рожден Пифагор Пифаидой, Той, что в самосской земле всех затмевала красотой»*.

⁶⁵ Диоген Лаэртский, указ. соч., VIII, 8.

⁶⁶ Клавдий Элиан. Пестрые рассказы, II, 26, перевод С.В.Поляковой.

объявлялись островами блаженных, куда отправляются души ведущих праведную жизнь людей. Впрочем, нашим рассуждениям может противоречить предположение о том, что у «гелиотропизма» Алексарха просто не было такой пищи — в силу ее отсутствия на тот момент. Нам не известно доподлинно, до какой степени к моменту осмысления им идеи Уранополиса дошла мифологизация образа Пифагора. Апогея она достигла, естественно, у неопифагорейцев и неоплатоников.

По совпадению именно во времена Алексарха случился настоящий бум сочинительства о Пифагоре и пифагорействе. Появляются и трактаты, подписанные именем не только его учеников, последователей, жены и даже дочери, но и его самого. Хотя версия о том, что «Золотые стихи Пифагора» - нечто вроде пифагорейского гномологиума - увидели свет именно в это время, не выглядит безупречной. Первое цитирование этого своеобразного «морального кодекса» пифагорейцев встречается нам у Хрисиппа из Сол. А это III век, более того — его вторая половина.

Если Алексарх в своем проекте ориентировался на Пифагора, это обстоятельство, скорее всего, опять приведет нас в Перипат!

Теоретически изучать пифагорейскую премудрость он мог и в Академии. Но это представляется менее вероятным. Больше и специальное остальных занимались пифагорейцами Спевсипп и Ксенократ. Но первого Алексарх, родившийся по всему после 350 года до н.э., вряд ли застал — тот ушел из жизни еще до Херонеи. Пик интереса Ксенократа к учению Пифагора пришелся примерно на эти же годы. По крайней мере Буркерт в своем монументальном труде «*Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*» высказал гипотезу о том, что толчком к нему послужили его встречи с пифагорейцами, когда они со Спевсиппом сопровождали Платона в третьей поездке на Сицилию в 361/0 г. до н.э.

Сугубым вниманием к учению Пифагора и пифагорейцам был известен еще и Гераклид Понтийский. Но после смерти Спевсиппа Гераклид проигрывает на выборах нового схоларха Академии несколько голосов Ксенократу и возвращается к себе в Гераклею. Его часто относят к перипатетикам, а не платоникам — по крайней мере, Диоген Лаэртский вслед за Сотионом зачислил Гераклида в последователи Стагирита и поместил его биографию сразу за жизнеописанием Деметрия Фалерского. *«Весьма богатый человек, в Афинах он вначале предался Спевсиппу, был слушателем пифагорейцев и ревнителем Платона; но потом перешел слушать Аристотеля (как о том пишет Сотион в "Преемствах")»*⁶⁷. Мы не видим в этом ничего странного. Ибо в перипатетизме Теофраста, например, сомнений ни у кого нет. Но Теофраст, между прочим, пришел к Аристотелю тоже от Платона (Алкиппа, которого он слушал у себя на родине, мы не принимаем в расчет). Зато, как указывает Моника Капто-Спербер, Гераклид был с Аристотелем чуть ли не с первого дня после приезда последнего в Афины: *«В 335 г. по возвращении в Афины, Аристотель взял в аренду несколько зданий, расположенных вблизи святилища Аполлона Ликейского и Муз; одно из зданий было окружено крытой галереей (peripatos). Здесь Аристотель открыл школу, получившую название Ликей или Перипат. Учениками или, точнее, сотрудни-*

⁶⁷ Диоген Лаэртский, указ. соч., V, 86.

*ками Аристотеля стали Гераклид, Евдем, Дикеарх, Аристоксен, Клеарх и Фаний».*⁶⁸ Следовательно, на момент возможного обнаружения Алексархом интереса к пифагорейскому учению Гераклид был в лагере перипатетиков.

Сам глава-основатель Ликея довольно много писал о Пифагоре и пифагорейцах. До сих пор именно ему мы обязаны крупными нашими знаниями о настоящем, не выдуманном, не легендарном Пифагоре. Жаль только, что труд Аристотеля «О пифагорейцах» до нас не дошел. Вне зависимости от того, каких пифагорейцев — самого ли Пифагора, Филолая либо Архита — он имел в виду.

Разумеется, на то обстоятельство, что школа Аристотеля находилась неподалеку от святилища Аполлона Ликейского, мы указываем исключительно из добросовестности. Даже при том, что таковое для Алексарха в его условиях и с его проектом Уранополиса имеет шансы не выглядеть простым и случайным совпадением.

В Перипате, не считая «спорного» Гераклида Понтийского, учение Пифагора и пифагорейцев входило в сферу интересов Аристоксена и Дикеарха. Вместе с Аристоксеном и Дикеархом в Перипат проник интерес к Пифагору, его личности и учению, и к пифагорейству в целом. Они оба пережили и Спевсиппа, и Ксенократа. Именно их авторству принадлежат первые жизнеописания Пифагора. Аристоксен был лично знаком с последними пифагорейцами. Самым последним из них был Ксенофил Халкидский, у которого он учился. Аристоксен еще написал труд «Жизни великих философов», включив него портрет своего знаменитого земляка Архита, с которым был знаком его отец Спинфар. Он собирал пифагорейские изречения, отдельную работу посвятил и ученикам Пифагора. Не исключено, что этой же теме касались — полностью или частично — и его не дошедшие до нас труды вроде «Законов воспитания», «Об арифметике», «Застольных бесед», «Исторических заметок», «Разнообразных воспоминаний», «Разрозненных заметок», «Сравнений». *«Биографии Пифагора и Архита рисуют идеализированный образ философов, ученых и политиков, живших в согласии со своими этическими принципами. Биографии Сократа и Платона, напротив, носят резко критический характер и полны скандальных подробностей, включая обвинения Платона в прихлебательстве и плагиате (fr. 62, 67). При этом «Пифагорейские изречения» Аристоксена содержат множество этических принципов и идей, заимствованных им у Платона, например, о педагогическом значении законов и государственных установлений, призванных обуздывать человеческие влечения (fr. 33-41). Здесь сказалась идущая от Академии и развитая Аристотелем тенденция видеть в пифагорейцах философских предшественников Платона. В трудах «О Пифагоре и его учениках» и «О пифагорейской жизни» Аристоксен стремился представить эту школу в максимально благоприятном свете, иногда вопреки традиции (так, он утверждал, что Пифагор ел и мясо, и бобы) и почти всегда - вопреки Аристотелю, который игнорировал Пифагора-философа, а в своей книге «О пифагорейцах» (fr. 191-196 Rose) рисовал их суеверными ритуалистами... В его трудах, посвя-*

⁶⁸ Греческая философия (под ред. М.Канто Спербер, Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, Москва, 2008, т.2, с.740-1, перевод В.П.Гайдамака.

*ценных законодательству и воспитанию («Воспитательные законы», «Политические законы», «О нравах мантинейцев» и др.) также ощущается влияние пифагореизма и платонизма».*⁶⁹ Как вывел для себя и четко аргументировал Дильс, именно Аристоксена нужно считать фактическим автором каталога пифагорейцев, приписываемого Ямвлиху. После дополнительных штудий предмета итальянской исследовательницей пифагорейской школы (и досократиков вообще) Марией Тимпанаро Кардини, ученицей и последовательницей Дильса, и тем же Буркертом эта точка зрения стала практически общим местом и сомнению либо оспорению не подвергается. Что до Дикеарха, то он отметился также биографиями семи мудрецов, Ксенофонта и Платона. Причем к последнему он относился тоже прохладно, видя в его учении простое соединение Сократа с Пифагором.

Как ни странно, превознесение учения и личности самосского мудреца не спасло перипатетиков — вместе с «академиками» - от упреков со стороны неопифагорейцев и неоплатоников: *«Наконец, пифагорейцы жалуются, что Платон, Аристотель, Спевсипп, Аристоксен, Ксенократ присвоили себе все их выводы, изменив разве лишь самую малость, а потом собрали все самое дешевое, пошлое, удобное для извращения и осмеяния пифагорейства от позднейших злопыхательствующих завистников и выдали это за подлинную суть их учения. Впрочем, это случилось уже впоследствии».*⁷⁰

Но это «впоследствии» не застали ни они, ни Алексарх. Нам не дано знать, сколько пифагоровских кирпичей заложил он в основание Уранополиса. Как бы там ни было, Уранополис представлял, кажется, первую в истории человечества попытку практического создания «с нуля» идеального города по утопическим лекалам. Утопия Алексарха была не архитектурной, как гипподамовские проекты Фурий и Милета. Она не была в чистом виде и астрально-солярной, несмотря на многие внешние признаки. Вряд ли она целиком зиждилась и на кротонских акусмах Пифагора. Нет, Алексарх постарался в своем проекте совместить черты нескольких самых распространенных моделей. Но, скорее всего, потерпел неудачу. Ибо его Уранополис просуществовал недолго. По крайней мере, на землях Кассандра возле горы Атос.

О дальнейшей судьбе Алексарха и его проекта утопического «города Солнца» нам по большому счету ничего не известно. Как мы уже упоминали, он якобы перебрался в Памфилию, где вознамеривался повторить свою попытку. Памфилия граничит с Ликией и через нее с Карией - историческими областями, которые, возможно, ответственны за рождение культа Аполлона. Но о результатах усилий Алексарха на новом месте сохранившиеся источники умалчивают. Вряд ли и там его идея могла воплотиться в жизнь беспрепятственно. Если бы это случилось, мы бы, скорее всего, не остались в неведении. Да, возможно, продолжать на прежнем месте не позволила военнополитическая обстановка и занятость Кассандра укреплением и отстаиванием своих владений. Но не исключено, что сказались и внутренние изъяны конструкции, возводимой Алексархом. Со времен разрушений, которые претерпела эта местность от македонцев, к прежнему обжитому и обу-

⁶⁹ Жмудь Л.Я. Аристоксен — в кн. Античная философия. Энциклопедический словарь, М. Прогресс, 2008, с. 155-6.

⁷⁰ Порфирий. О жизни Пифагора, перевод М.Л. Гаспарова.

строеному состоянию она вернуться не успела. Гористый ландшафт вокруг горы Атос не отличался плодородием и был пригоден только для скудных урожаев всего нескольких культур - винограда и оливок. О зерновых и помышлять было нечего. На развитие скотоводства в условиях внешней нестабильности рассчитывать не приходилось. Хотя больше всего Алексарху с его урандами мешала, как это ни странно, его гомонойя. В городе не должно было находиться рабов, труд и эксплуатация которых в Греции времен Алексарха являлись становым хребтом экономики и неотъемлемым условием материального благополучия. Даже временный отказ от провозглашенных принципов вряд ли мог бы помочь Алексарху — завоевывать новые земли и обращать их обитателей в рабов было нечем и нечем.

Похоже, что основной и кардинальный изъян конструкции Алексарха — если пользоваться терминологией Каутского, со своих позиций комментировавшего утопические черты в комедиях Аристофана, - состоял в том, что он пытался возвести на атосской земле коммунизм потребления, а не коммунизм производства.